

УДК 340.1
ББК 67.0

В. В. Попов

ВЗГЛЯД НА ПРАВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕМИОТИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА: ПРОБЛЕМА КОНВЕНЦИОНАЛЬНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРАВОВЫХ СМЫСЛОВ

Особенности естественного языка допускают многовариантность интерпретации в силу неточной определенности его словаря, синтаксиса и семантики. Это допускает отсутствие в языке терминов точной интерпретации. Соответственно, можно утверждать, что терминов точной интерпретации нет в любых законодательных положениях, поскольку они сформулированы посредством естественных языков. Это порождает неизбежную множественность смыслов правового текста. В то же время абсолютная свобода интерпретации терминов языка вообще не позволяет создать любой словарь в рамках любого языка. Поскольку язык и право связаны, то неограниченная свобода выбора правового смысла делает беспредметным и само рассуждение о праве. Ограниченность свободы выбора правового смысла подтверждается и практически. Таким образом, множественность правовых смыслов несовместима с правовым предписанием. Ограничение множественности правовых смыслов происходит согласно intersubjectной либо конвенциональной модели. Intersubjectная модель может вести к квазиобъективности правового смысла, но и эта модель не всегда работает. Конвенциональная модель будет нести как конвергентные, так и конформные черты. Баланс между ними определяется особенностями социально-юридического контекста и психологии субъекта, вовлеченного в орбиту правового смыслообразования.

Ключевые слова: система права, система законодательства, знак права, значение права, смысл права, референт права, десигнат права, денотат права, форма права, содержание права, язык права, референт объектного языка права, полисемичность правового текста, объектный язык права.

V. V. Popov

VIEWING ON LAW THROUGH A PRISM OF A SEMIOTICS TRIANGLE: PROBLEM OF CONVENTIONAL RESTRICTION OF PLURALITY OF LEGAL SENSE

The peculiarities of the natural language allow for a multivariate interpretation due to the inaccurate certainty of its dictionary, syntax and semantics. This allows the absence of a precise interpretation of the terms in the language. Accordingly it can be argued that there are no terms for precise interpretation in any legislative provisions, since they are formulated through natural languages. This creates an inevitable plurality of meanings of the legal text. At the same time, absolute freedom of interpretation of language terms does not allow creating any dictionary within any language at all. Since language and law are connected, unrestricted freedom to choose the legal sense makes the reasoning about the law itself pointless. Thus, the plurality of legal senses is incompatible with legal prescriptions. The limitation of the plurality of legal senses takes place according to the intersubject or conventional model. The intersubject model can lead to quasi-objectivity of legal sense but this model does not always work either. The conventional model will carry both convergent and conformal features. The balance between them is determined by the peculiarities of the socio-legal context and psychology of the subject involved in the orbit of legal sense formation.

Key words: the system of law, the system of legislation, sign of law, sense of law, meaning of law, designatum of law, denotatum of law, referent of law, language of law, polysemy of legal text, object language of law.

Как говорилось ранее, если говорить о десигнате (смысле) права вне intersubjectной аксиологической единственности, то более сообразной существующей правовой действительности представляется идея фактической множественности смыслов текста

правовой нормы [1].

В самом общем теоретическом языковом и философском контексте предпосылки идеи о множественности смыслов (любого) текста была относительно полно обозначена в возражениях Ф.

Маутнера В. Гумбольту: «Язык не является созданием объективного духа. Собственно дух есть субъективное в человеке...» [2, с. 24, 42], что в дальнейшем послужило основой для разделения понятий «язык» и «речь». Если использовать подобное разделение в юридическом контексте, то речь следует вести (например, в ситуации с формально определенным юридическим законом) не столько о *языке* права, сколько о *речи* законодателя.

В общем философском контексте идеи множественности смыслов наиболее интенсивно утверждаются в феноменологической герменевтике, когда, например, П. Рикер говорит о неразрывности связи смысла, во-первых, с пониманием (как противоположности объяснения) и, во-вторых, с субъективностью как онтологическом фундаменте связи человека с бытием [цит. по 3, с. 168]. Вместе с тем в целом представляется возможным утверждать, что теоретические предпосылки множественности смыслов заложены в самой лингвистической концепции смысла.

В то же время идею неединственности смысла (одного и того же знака) разделяют далеко не только сторонники лингвистической интерпретации смысла. Например, Р. И. Павленис, давая логическую интерпретацию смысла, указывает, что смысл фактически контекстуален, поскольку включен в индивидуальную концептуальную систему каждого говорящего в качестве совокупности его знаний и мнений об окружающей действительности [4, с. 12].

Иными словами, исходя из особенностей естественного языка, допускающего многовариантность интерпретации (в силу частой неточной определенности его словаря, синтаксиса и семантики), можно поставить под обоснованное сомнение наличие в нем, а следовательно, и в любых законодательных положениях, формализуемых в таком языке, терминов точной интерпретации.

Важно подчеркнуть один момент. Речь не идет о том, что, как указывают отдельные ученые, законодательные положения могут быть представлены как точной, так и неточной терминологией, чаще называемой в отечественной литературе «оценочные понятия» [5, с. 93], причем именно неточность терминологии при этом связывается данными учеными с потребностью нахождения смысла законодательного положения в ходе толкования права и проблемой усмотрения [6, с. 395; 7, с. 180]. Но речь идет о том, что любой, даже «самый понятный» термин языка права может иметь множество вариантов толкования. «Пусть это звучит парадоксально, но при попытке более точного анализа самым непонятным

оказывается, что такое «понятное». Этот критерий объяснения является весьма неопределенным и в первую очередь благодаря тому, что явно или неявно предполагает апелляцию к чисто субъективным моментам» [8, с. 7].

Если вести совершенно естественное допущение о том, что контекст интерпретации законодательных положений может являться строго индивидуальным и неповторимым для каждого субъекта, то мы придем, по крайней мере, к теоретической допустимости того, что любой субъект может толковать любой термин правовой нормы (знак права) по своему разумению, индивидуально.

«Необщепринятая интерпретация, сумасшедшая или идиосинкразическая, она все равно будет возможной интерпретацией» [9, с. 21]. В связи с этим важно отметить тот факт, что наличие легальных дефиниций, любых правил толкования (в том числе обязываний или рекомендаций учитывать намерения создателя правовых норм, его волю, цели, объективный, истинный, правильный и т. п. смысл) призванных если не устранить, то хотя бы ограничить свободу интерпретации законодательной терминологии, создает весьма зыбкие теоретические предпосылки ограничения множества десигнатов (смыслов) права.

Проблема в том, что поскольку любая легальная дефиниция (равно как иные выраженные в естественно-языковой форме ограничения) формулируется в том же естественном языке, а значит, к ним может быть применима указанная схема формирования множественности правовых смыслов для одного знака (законодательного положения). Чтобы быть последовательным, необходимо отметить, что сугубо теоретически вообще никакое правило, сформулированное в естественном языке, не сможет ограничить свободу установления смысла, поскольку к нему самому может быть применена неограниченно свободная интерпретация.

В юридическом контексте схожие рассуждения лежат в основе генуэзской школы права, выражающей достаточно радикальные идеи о свободе толкования правовых текстов. Важнейшими представителями данной школы принято считать, в частности, Giovanni Tarello, Riccardo Guastini, Paolo Comanducci, Tecla Mazzaresse и Pierluigi Chiassoni [цит по 10, с. 212].

Кроме того, указание на регресс в бесконечность в контексте критики идеи толкования права как на функции познания указывается и в некоторых иных направлениях правопонимания [11, с. 193].

Рассуждая подобным образом, мы получим теоретически сколь угодно обширное множество десигнатов (смыслов) права по отношению к одному и тому же законодательному положению

(знаку, т. е. экспоненту права).

Однако к данным идеям «радикальной свободы» применимы два не менее серьезных возражения теоретического и практического характера.

Возражение теоретического характера предполагает устранимость полной свободы интерпретации экспонента права (законодательных положений) при использовании приема *reductio ad absurdum*. Суть в том, что как только мы допускаем абсолютную свободу установления десигната (смысла) права для знака, референта права (для законодательства), то неизбежно исчезает допустимость вводить именно правовой контекст рассуждения о смыслообразовании. Иными словами, абсолютная свобода толкования права (неограниченная множественность смыслов) несовместима с правовым предписанием. Обоснуем более подробно.

Слово в предписании – это средство воздействия на мир (поведение человека). Но в силу абсолютной свободы понимания этого слова оно перестает целенаправленно (в контексте целеполагания создателя предписания) воздействовать на мир. Мы теряем возможность говорить о предписаниях вообще и о правовых предписаниях в частности. Соответственно, в этом случае мы теряем наиболее общий контекст рассуждения — рассуждения о языке права. В силу связанности права и языка становится беспредметным и само рассуждение о праве. Тем самым, становится бессодержательным и само утверждение о том, что право толкуется абсолютно произвольно, ибо никакого права нет. Более того, исчезает смысл говорить и о наличии языков, поскольку абсолютная свобода интерпретации терминов языка вообще не позволяет создать любой словарь (для более, чем одного пользователя) в рамках любого языка, поэтому Маутнер совершенно резонно утверждает, что не может существовать язык «у одного единственного» человека, для того чтобы он возник, необходимо наличие, как минимум, двух человек-партнеров [2, с. 85].

Возражение практического характера сводится к тому, что даже если отказаться признавать приведенное выше теоретическое возражение, то мы не увидим в юридической деятельности практической реализации подобной возможности.

Естественно, разумной представляется реализация объективных потенциальных преимуществ, проистекающих из использования языка вообще и особенно преимуществ, исходящих из предписывающей функции языка. В силу этого в сложившейся социальной действительности не существует действенных нормативно-правовых систем, в рамках которых

имела бы место (разумеется, не в виде исключения) абсолютно свободная интерпретация экспонента права (терминов, конституирующих законодательные положения). Как в этой связи справедливо отмечается некоторыми авторами, вряд ли разумный правоприменитель будет, проявляя свое усмотрение, утверждать, например, что лошадь относится к моторизованному транспортному средству, а если мы и будем допускать интерпретацию столь вольного характера, то кто будет после этого настолько глуп, чтобы заключать договоры, вести себя правомерно, выполнять какие-либо обязательства [12, с. 50] и т. д.?

Каким же образом решать выявленные проблемы? Думается, что решение, предложенное Е. В. Булыгиным, носит излишне идеализированный характер. В частности, ученый, возражая представителям генуэзской школы права, отмечает: «Существенно, что язык должен содержать, по меньшей мере, несколько однозначных выражений. Язык, который не соответствует данным условиям, как орудие понимания бесполезен. Это не означает, что он должен содержать выражения, которые всегда недвусмысленны, но в определенном контексте должны наличествовать однозначные (недвусмысленные) выражения» [10, с. 212].

Уязвимость подобного решения видится в том, что в явном задаваемом правовом социальном контексте, Е. В. Булыгин фактически допускает доминирование логической концепции смысла над лингвистической без достаточных к тому оснований. В силу этого думается, что наличие неких объективно однозначных выражений было бы корректнее рассматривать скорее как пожелание, которое, однако, представляется нереализуемым в силу отмечавшихся особенностей естественного языка.

Думается, что реалистичнее вести речь не о гипотетическом состоянии некой заданности смысла права, но о процессе, о смыслообразовании, самая общая модель которого выглядит следующим образом.

В реальности мы сталкиваемся с определенным совмещением смысла, придаваемого некой знаковой системе субъектом, производящим эту систему (например, субъектом правотворчества), со смыслом, придаваемом этой знаковой системе субъектом, воспринимающим знаковую систему (например, субъектом реализации права).

Иными словами, субъекты правового общения, стремясь использовать полезные свойства конкретного языка (права), формируют смысл знаков (правового текста) и могут находить «точки соприкосновения» со смыслом, принятыми в рамках (как минимум) некоторого

«коммуникационного сообщества правового общения». Представляется возможным вести речь о двух вариантах реализации отмеченной схемы смыслообразования в правовом контексте: intersubъективной и конвенциональной.

В первом варианте мы можем вести речь об intersubъективности смысла права в абсолютизированном неопозитивистском понимании данной intersubъективности. Таким образом, мы можем снять проблему теоретической возможности бесконечной множественности смыслов одного и того же текста правовой нормы реальным фактом intersubъективности смысла. Иными словами, хотя проблематично найти объективный смысл (экспонента, знака, текста) права, но вполне возможно найти его intersubъективный смысл, который в контексте социальной прагматики, в стремлении извлечь объективные преимущества языка права и будет призван фактически выполнять ту же самую роль, которая отводилась объективному смыслу права. Это своего рода квазиобъективный смысл права.

Говорить о подлинной объективности смысла невозможно, поскольку потенциальная полисемичность правового текста *сохраняется*. Она лишь *не актуализируется* в ходе правовой коммуникации благодаря особенностям (субъективного) целеполагания соответствующих субъектов. По крайней мере, это верно для современного состояния естественных языков.

Думается, что подобная схема смыслообразования (с квазиобъективным смыслом) фактически принимается как необходимое условие автоматизации правотворчества и применения права, например, «компьютерного правосудия», «киберправа», «сетевого права» [13, с. 78]. И, как минимум, теоретические проблемы разработки автоматизированных механизмов правоприменения связаны (в числе прочего) с проблемами определенной оторванности от реальной юридической практики моделей с объективным и квазиобъективным (как позитивистской версии intersubъективности) смыслом права.

Второй вариант (конвенциональная схема), подчеркивая реальность различия контекстов правового смыслообразования, учитывает также реальную возможность и практическую потребность определенного совмещения таких контекстов.

Вместе с тем полагаем, что речь может идти о конвенциональности, которая будет нести как конвергентные, так и конформные черты. Баланс между ними определяется особенностями социально-юридического контекста и психологии субъекта, вовлеченного в орбиту смыслообразования.

Вариант с конвергентно-конвенциональным смыслом права предполагает своего рода взаимное движение к «среднесемантическому» (по некоей аналогии со среднеарифметическим) установлению десигната права. В качестве самой общей платформы в контексте языковой формы бытия права можно отметить мысль Л. Витгенштейна, который отмечал, что способность к схожему определению значения и смысла закладывается еще в процессе освоения человеком языка в детском возрасте и затем, разделяя язык, мы разделяем и образ жизни [14, с. 235].

Правовое смыслообразование разворачивается в некоей ментальной среде, формируемой определенными социальными группами, сознанием членов этой социальной группы как определенного коммуникационного сообщества. Относительно такой среды, такого коммуникационного сообщества мы и говорим о некоем «среднесемантическом смысле». Соответствующий субъект стремится найти «точки соприкосновения» со значением и смыслом, принятыми в рамках (как минимум) некоторого коммуникационного сообщества. Обусловлено это стремлением пользователей некоторого языка использовать, так сказать, полезные свойства данного языка. Иными словами, при возможности выбора любого значения и смысла обычно реализуется только один общий для всех или, по крайней мере, для большинства толкователей. Что важно в нашем рассуждении это позволяет получить основания для сохранения смысла в выделении прескриптивной функции языка вообще, а также для регулятивной и охранительной функций права в частности.

Как видно, в ситуации с конвенциональным смыслом также отчетливо выражается подмеченная Г. Кельзеном идея о том, что толкование права может рассматриваться как функция воли [цит. по 11, с. 191]. Вместе с тем думается, что в практической юридической деятельности подобный «среднесемантический смысл» в определенной мере можно рассматривать как некий практический эквивалент описанного выше квазиобъективного смысла права. Однако происходит это, главным образом, с толкованием законодательных терминов (знака права), которые обычно *принято именовать* терминами точной интерпретации (ясными, понятными и т. п. терминами).

Важно отметить наличие проблемы. Да, модель с конвенциональным смыслом права в ситуации с терминами точной интерпретации устраняет проблему *бесконечности* множества смыслов права, а в *некоторых случаях* подобная конвенциональность может рассматриваться даже и как способ некоего практического решения проблем полисемичности правовых текстов. В то же время конвенциональность смысла права ни в теории, ни

на практике (за исключением некоторых случаев) не решает проблему *единственности* десигната (смысла) права окончательным образом, т. е. не позволяет утверждать о наличии подобной единственности.

1. Попов В. В. Взгляд на право через призму семиотического треугольника: проблема единственности правового смысла // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3. С. 142—146.

2. Mauthner F., Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd. 1: Zur Sprache und zur Psychologie. Frankfurt am Main, Berlin, Wien. 1982. 713 p.

3. Байтеева М. В. Проблемы понимания права с позиций феноменологической герменевтики // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.

4. Павленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.

5. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979. 166 с.

6. Edwards R. The Role of a Judge in Modern Society: some reflections on Current Practice in Federal Appellate Adjudication // 32 Clev. St. Law Review. 1984. № 32. P. 395.

7. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford, Clarendon Press, 1979. 180 p.

8. Никитин Е. П. Объяснение — функция науки. Москва: Наука, 1970. 280 с.

9. Marmor A. Interpretation and Legal Theory. Oxford, Clarendon Press, 1992. 185 p.

10. Булыгин Е. В. К проблеме объективности права // Філософія права: сучасні інтерпретації : Вибр. праці: статті, аналіт. огляди, переклади (2003—2010) / С. І. Максимов. Харків: Право, 2010. 336 с.

11. Тропер М. Свобода толкования у конституционного судьи // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4.

12. Барак А. Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999. 376 с.

13. Голоскоков Л. В. Теория сетевого права / Под ред А. В. Малько СПб., 2006. 191 с.

14. Wittgenstein L. Philosophical Investigation. Oxford: Basil Blackwell I; N.Y.: Macmillan, 1958. 249 p.

© Попов В. В., 2018

1. Popov V. V. Viewing on Law through the prism of a semiotic triangle: the problem of the uniqueness of legal sense // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2017. No 3. Pp. 142—146.

2. Mauthner F. Contributions to a critique of language. Bd. 1: For language and psychology. Frankfurt on Main, Berlin, Vienna. 1982. 713 pp.

3. Bayteeva M. V. Problem of understanding of Law from the position of phenomenological hermeneutic // Russian yearbook of the Theory of Law. 2011. No 4.

4. Pavlenis R. I. the problem of sense: modern logical and philosophical analysis of language. M.: Mysl', 1983. 286 pp.

5. Cherdantsev A. F. Interpretation of Soviet law. M.: YUrid. lit., 1979. 166 pp.

6. Edwards R. The Role of a Judge in Modern Society: some reflections on Current Practice in Federal Appellate Adjudication // 32 Clev. St. Law Review. 1984. No 32.

7. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford, Clarendon Press, 1979. 180 pp.

8. Nikitin E. P. explanation - the function of science. Moskva: Nauka, 1970. 280 pp.

9. Marmor A. Interpretation and Legal Theory. Oxford, Clarendon Press, 1992. 185 pp.

10. Bulygin E. V. Discussing the problem of Law objectivity // Filosofiya prava: sovremennye interpretacii: Izbr. trudy: stat'i, analit.obzory, perevody (2003—2010) / S. I. Maksimov. Har'kov.: Pravo, 2010. 336 pp.

11. Troper M. freedom of interpretation of a constitutional judge // Russian yearbook of the Theory of Law. 2011 No 4. 2011

12. Barak A. Judicial discretion. Transl. from English. M.: Norma, 1999. 376 pp.

13. Goloskokov L. V. Theory of network Law / edited by A. V. Malko. SPb., 2006. 191 c.

14. Wittgenstein L. Philosophical Investigation. Oxford: Basil Blackwell I; N.Y.: Macmillan, 1958. 249 p.

© Popov V. V., 2018